

Н. Н. Кознова, С. С. Сафронова

История восприятия романа Г. Н. Владимова «Три минуты молчания»

В статье предпринимается попытка эксплицировать гибридный характер романа Г. Н. Владимова «Три минуты молчания» на основе анализа литературно-критической рецепции, зафиксированной в «Летописи рецензий» за 1970–1972 гг. Реконструкция логики идеологической, культурной и издательской политики существовавшего в те годы режима выявляет неоднородность общественного сознания даже в официальном пространстве литературы. Изменчивость допустимых к печати тем предопределила «протектскую» стратегию официальных писателей, допускающих в своих произведениях частичное отклонение от предписанной идеологии, однако не предполагающую полный отказ от нее. Политика советских периодических изданий основывалась на схожей амбивалентности, представленной идейным противостоянием «консервативного» и «либерального» крыла. Раскрытая критиками экзистенциалистская основа романа «Три минуты молчания» позволила обосновать вывод о том, что произведение Г. Н. Владимова сочетает в себе характеристики «советского» и «диссидентского» текста.

Ключевые слова: Г. Н. Владимов, «Три минуты молчания», критическая рецепция, двоемыслие.

Для цитирования: Кознова Н. Н., Сафронова С. С. История восприятия романа Г. Н. Владимова «Три минуты молчания» // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 2. – С. 125–140. DOI: 10.35231/25419803_2024_2_125. EDN: MQLNLP

Роман Г. Н. Владимова «Три минуты молчания» был опубликован на страницах журнала «Новый мир» в 1969 г. Однако в условиях культурной политики тех лет роман мог появиться в печати лишь со значительными цензурными изъятиями. Пространство литературы на рубеже десятилетий было неотделимо от политики, что во многом предписывало участникам с «разновекторными» взглядами примыкать к одному из традиционно разделяемых полюсов советского / антисоветского или официального / неофициального. Однако на рубеже 1960–1970 гг. искусство фиксирует пестроту общественного сознания даже в рамках официального публичного

пространства. Непредсказуемая динамика тем, допустимых в официальной печати тех лет, провоцировала писателей работать в «протеической» манере. Так, в творчестве «официального» писателя могла вестись одновременная работа как над конъюнктурными произведениями, так и над неофициальными книгами, чему способствовало утверждение позиций неподцензурной литературы в эти годы.

Тем не менее, оставаясь официальными участниками литературного процесса, писатели боролись за то, чтобы проводить «дельные вещи через цензуру» [4, с. 107]. Они разрабатывали приемы, предназначенные для контрабандного распространения альтернативного смысла текстов, зарекомендовавших себя как официальные. Строгие цензурные ограничения, по мнению самих писателей, способствовали созданию более полифоничных произведений, побуждающих читателей к поиску иносказаний в тексте, «что в лексике самого Главлита звучало как “неконтролируемые ассоциации”» [2, с. 253].

На рубеже 1960–1970-х гг. Г. Н. Владимов, являясь неортодоксальным писателем, еще мог удерживать за собой репутацию благонадежного автора, чему во многом способствовал статус члена «Союза писателей» и признание советского читателя. Несмотря на свойственную Г. Н. Владимову модель творческого поведения, ориентированную как на подцензурное, так и на неподцензурное распространение текстов, публикации «Трех минут молчания» в журнале «Новый мир» пососедействовала конформная жанровая направленность книги, опосредованно приближенная к «производственной тематике» [20, с. 245].

Вместе с тем Г. Н. Владимов едва ли не сознательно использовал дробление читательской аудитории на «понимающих» и «не понимающих». Прежде исследователи уже отмечали «непроницаемость» романа, состоящую в том, что «читатели, которые были способны понять замысел, отшатывались от соленых брызг. <...> Та же часть публики, что чувствовала ремесло персонажей, не могла проникнуть в замысел дальше первого плана» [17, с. 309].

Цель представленного в статье исследования – эксплицировать гибридный характер романа «Три минуты молчания» на основе анализа литературно-критической рецепции, которая, с разной степенью идеологизирован-

ности, отразила попытку Г. Н. Владимова артикулировать культурно-социальный кризис позднего социализма посредством внедрения в роман табуированной в советское время экзистенциалистской философии.

Так, гипотеза данной статьи зиждется на том, что произведение Г. Н. Владимова «Три минуты молчания» основано на синкретизме «советского» и «диссидентского» и продиктовано сложившейся в среде неортодоксальных участников литературного процесса «протеической» манерой, допускающей частичное отклонение от советской идеологии, но не порывающей с ней.

В рамках данной работы поставлены следующие задачи: концептуализировать идеологическое размежевание официальных участников литературного процесса, выявить различия в методологических принципах оппозиционных критиков, проанализировать литературно-критическую рецепцию романа «Три минуты молчания» и представить эксплицированные данные в качестве обоснования положения о гибридном характере произведения.

Материалы и методы

Объектом исследования в данной статье является литературно-критическая рецепция романа «Три минуты молчания» Г. Н. Владимова, зафиксированная в библиографическом указателе «Летопись рецензий» [11] за 1970–1972 гг.

Материалом для анализа в данной работе служат следующие литературно-критические статьи: Аннинский Л. «Соль воды» [1] (журнал «Юность»), Петелин В. «Герой и его время» [14] (журнал «Огонек»), Перцовский В. «Проза вмешивается в спор» [13] (журнал «Вопросы литературы»), Гус М. «Жизнь и существование» [6] (журнал «Знамя»), Ершов Г. «Корабли идут за океан» [8] (журнал «Дальний Восток»), Синельников М. «Траулер “Скаун” в шторм и в штиль» [16] («Литературная газета»), Тевекелян Д. «Повзрослевшая “молодая” проза. (Мера точности)» [18] (журнал «Москва»).

Анализ критических статей позволил реконструировать основания идеологического размежевания литературных критиков в рамках официального литературного процесса, концептуализировав его на основании идейного противостоя-

ния «консервативного» и «либерального» крыла. Основываясь на том, что редакционно-издательская практика находилась в прямой зависимости от политико-идеологического контроля, установленного через цензуру, следует учитывать, что литературные критики, не имея возможности высказываться прямо, с разной степенью идеологизированности доводили до «широкого» читателя неортодоксальные идеи. Несмотря на разную риторику консервативной и либеральной критики, анализ их методологических различий выявил как резко полярные, так и сходные мнения в отношении данного романа. Так, сравнительный метод, применённый к литературно-критической рецепции оппозиционных критиков, позволил установить гибридный характер романа «Три минуты молчания».

Результаты

Привычная поляризация по принципу советского / анти-советского или официального / неофициального не способна отразить фактическую сложность литературных процессов на рубеже десятилетий. «Обретение голоса еще не означало обретения свободы» [7, с. 430].

Артикуляция разных позиций в официальном пространстве литературы происходила посредством политики литературных газет и журналов, где сформировались те направления общественно-литературной жизни, которые определили либеральный и консервативный дискурс. «Острая закулисная борьба» [10, с. 7] консервативного и либерального крыла отразилась в литературной критике. «Должны были родиться новые идеи, отвечающие реальным интересам разных общественных групп. Они и рождались – как справа, так и слева», – отметил Д. Самойлов [15, с. 348].

В 1970 г. литературный критик заявлял о своей принадлежности к определённой полюсу, не только выражая открытую поддержку неортодоксальному «Новому миру» А. Т. Твардовского или ортодоксальному «Октябрю» В. А. Кочетова, но в то же время наделяя разной степенью идеологизированности свои литературно-критические статьи.

Примечательной чертой поздней оттепели становится сосуществование «разновекторных» взглядов даже в пределах официального литературного процесса, поскольку именно

литературная критика стала той областью, где еще долгое время сохранялась идеологическая полемика.

На рубеже десятилетий «вектор “либералы / консерваторы” заменяется новым, более сложным “либералы и консерваторы / националисты”» [7, с. 459]. Если противостояние либерального и национал-патриотического крыла было продиктовано идеологической оппозицией, то столкновение ортодоксального дискурса с националистическим было непредвиденным. Как отмечали М. Липовецкий и М. Берг, «[э]та необъявленная, но вполне реальная литературная группа находилась под покровительством высоких партийных и комсомольских чиновников» [12, с. 484].

В библиографическом указателе «Летопись рецензий» в числе литературно-критических статей с ярко выраженной национал-патриотической риторикой значатся две публикации – В. Петелина (журнал «Огонек») и Д. Тевекелян (журнал «Москва»).

На рубеже десятилетий В. Петелин был одним из наиболее видных пропагандистов доктрины, которую отстаивала националистическая критика. Отличие методологических принципов национал-патриотов от их идейных оппонентов заключалось как в борьбе за классику, используемую для достижения своих культурно-политических задач, так и в борьбе с эстетической сложностью, «в которой усматривалось либо интеллигентское, либо западное <...> чужеродное влияние» [12, с. 492]. Авторы, которые в своем творчестве выходили за пределы традиционно-реалистической эстетики, встречали резкое неприятие со стороны критиков национал-патриотического крыла, что и отразилось в рецензиях того времени.

Статья В. Петелина «Герой и его время», опубликованная на страницах журнала «Огонек», наиболее репрезентативна в отношении методологических установок национал-патриотических критиков. Риторика «правого» крыла соотносилась с соцреалистической догматикой. Показательны в этом отношении вступительные слова В. Петелина: «...партийность и народность, правда жизни и правда литературы, положительный герои <...> плоть плоти того большинства, которое идет в авангарде строителей коммунизма» [14, с. 22].

Главной причиной антипатии В. Петелина являлась система ценностных ориентаций Г. Н. Владимова. Критик утверждал,

что советская литература находится в прямой зависимости от «идейной и нравственной позиции писателя» [14, с. 26], поскольку его основополагающая задача – передать дух времени, воплотив его на страницах прозы в узнаваемых исторических чертах. Конституирующую обязанность советского писателя В. Петелин определял в логике В. И. Ленина, который высказывался резко против пристрастного отбора «реальных фактов, которые показывают жизнь только с одной стороны» [14, с. 27].

Пытаясь обличить неортодоксальные взгляды автора, В. Петелин упрекал Г. Н. Владимова в предвзятом выборе героев, необходимым лишь для того, чтобы «в нравственном их распаде чуть ли не с удовлетворением усмотреть конечное назначение человеческого существования» [14, с. 26]. Симптоматично, что в статье В. Петелина отражено резкое неприятие любого нарушения традиционно-реалистической эстетики, характерное для критики национал-патриотического крыла в целом. Так, В. Петелин обобщает систематично проявляющиеся тенденции в литературе: «К сожалению, чуть ли не модной на какой-то срок стала литература, в которой жизнь предстает безрадостной, переполненной <...> бессилием человеческого разума преодолеть тяготы и невзгоды, выпадающие на долю человека» [14, с. 26].

Литературный критик Д. Тевекелян демонстрирует схожую с В. Петелиным рецепцию, однако обосновывает сложившуюся в литературе тенденцию через сходство действующих лиц в романе Г. Н. Владимова и героев прозы Э. М. Ремарка. По ее мнению, «Три минуты молчания» созвучны ремаркизму «внутренней потерянностью, жизненным неустройством, и даже интонацией своей исповеди» [18, с. 212]. Репрезентативно в отношении методологических принципов национал-патриотической критики, что «ремаркизм считался абсолютно неприемлемым для советского человека» [7, с. 420].

Симптоматично, что отрицательно настроенные критики использовали сходство героев Г. Н. Владимова с героями произведений зарубежных писателей для того, чтобы «артикулировать» подражательность или неубедительность авторской позиции. Так, критик «Литературной газеты» М. Синельников в статье «Траулер “Скакун” в шторм и штиль» проводит аналогичную параллель с ремаркизмом в целях ниспровержения

авторской позиции: «Подражательная интонация усталости, разочарованности <...> избавляет автора от обязанности мотивировать причины душевных неурядиц» [16, с. 4]. Критик консервативного крыла М. Синельников указывает на подражание автора не только Ремарку, но и Э. Хемингуэю: «Мы знаем, что Сеня начитан. Но наверное, все-таки не настолько, чтобы интонации его рассказа так явно напоминали порой героев то Хемингуэя, то Ремарка» [16, с. 4].

Однако указание ортодоксальных критиков на имитацию Владимовым творческого метода Э. М. Ремарка и Э. Хемингуэя в целях ниспровержения статуса романа заслоняет заложенную Г. Н. Владимовым метафору о советском состоянии культуры на рубеже десятилетий. Поскольку современные исследователи отмечают, что в основу творческого метода Э. Хемингуэя и Э. М. Ремарка положена экзистенциалистская философия, то данное соположение задает потенциал для экзистенциального прочтения романа «Три минуты молчания».

Д. Тевекелян демонстрирует радикальное неприятие экзистенциалистской природы романа, отмечая тот факт, что «наивный максимализм семнадцатилетних, собственный поиск каждого – естественные состояния души, тогда как рафинированная беспредметная тоска по неясно-туманному почти тридцатилетних граждан вызывает брезгливое недоумение» [18, с. 209]. Писателей, работавших в неортодоксальной манере, консервативная критика упрекала «в мелкотемье, отсутствии ясной авторской позиции, мелочности и негероичности персонажей» [12, с. 502]. Д. Тевекелян акцентировала, что в романе Владимова присутствует преувеличенное внимание автора к бытовизму «“кепы”, “капы”, “дрифы”, “кандеи” <...> однотипные, однообразные подробности, как волны, накатывают одна на другую» [18, с. 211].

На рубеже десятилетий критики не только отрицали философскую основу подобных произведений, но и ошибочно приписывали им статус бытовой литературы, о чем свидетельствует рецепция консервативного крыла, нашедшая свое отражение в статье Г. Ершова «Корабли идут за океан»: «Раскрытие социальных конфликтов оказалось безнадежно погребенным под лавиной фактов такого натурального бытописательства, где и самый опытный читатель с трудом сумеет отделить исти-

ну бытия от случайной» [8, с. 146]. Впоследствии Г. Н. Владимов писал, что критики консервативного крыла «особо ревнительно выхлёстывали <...> пробуждение интереса к смыслу жизни и к её тайнам, ко всему, что хоть немного приподнимается над интересами рабочими и бытовыми» [3, с. 395].

Очевидно то, как интерпретировали данную тему либерально настроенные критики, существенно отличалось от патриотической мифологии. Исследователи отмечают, что в эти годы «означаемым» критики либерального направления был углубляющийся кризис советского общества – социальный, психологический, идейный и экзистенциальный» [12, с. 500], однако либеральная критика касалась лишь косвенно магистральной темы той поры.

Несмотря на разную риторику оппозиционных критиков их «читательская» рецепция романа оказывается схожей. Так, обе стороны выявляют в романе «Три минуты молчания» тенденцию к осмыслению социального и культурного кризиса позднего социализма. Показательно в этом отношении, что критики консервативного крыла и критики либерального параллельно отмечали в своих рецензиях неконвенциональное направление мыслей Г. Н. Владимирова, однако под давлением культурной политики тех лет обнажили данную тенденцию по-разному.

В методологическом отношении либеральное крыло было более гетерогенно, нежели консервативное. Если черты консервативной критики можно было бы охарактеризовать «сочетанием высокопарного профетизма и идеологической <...> формульности, то критики-либералы были лишены единой манеры» [12, с. 495]. Если консервативное крыло было представлено только партийной критикой и национал-патриотической, то критика либерального крыла была подвержена большей дифференциации. Так, современные исследователи делят либеральную критику рубежа десятилетий на следующие категории: социологическая («унаследованная у “Нового мира” 1960-х и предполагавшая рассмотрение литературы как прямого отражения социальных проблем») [12, с. 495], импрессионистская (резко субъективная критика, основанная на принципе медленного чтения), академическая критика («рассматривающая литературный процесс сквозь призму русской и западной культуры XX века и в особенности

русской теоретической школы (прежде всего Бахтина)» [12, с. 496]), эстетическая критика (продиктованная неидеологическим отношением к литературному тексту, в остальном основанная на методологии академической критики), философская критика (позволяющая оценить культурологические основы рецензируемого текста).

Характерной чертой критики либерального крыла было стремление обозначить неконвенциональные тенденции в литературе. Однако поставленная задача требовала различных путей для реализации, что как следствие привело к методологическому плюрализму либерального дискурса. Отличительные методологические принципы либеральной критики наиболее полно репрезентирует критика философского направления. Вместе с тем критики, ориентирующиеся на философский метод, как правило разрабатывали свои концепции на материале литературы андеграунда, что во многом могло свидетельствовать об их идеологической двойственности.

Литературный критик М. Гус устанавливает родство романов «Сказание о директоре Прончатове» В. В. Липатова, «Право выбора» М. С. Колесникова, «Три минуты молчания» Г. Н. Владимова, «Долгое прощание» Ю. В. Трифонова, которые в разной модальности воплощают на своих страницах идею экзистенциализма. В этой связи примечательно то обстоятельство, что философия экзистенциализма идейно противоречила марксистско-ленинскому учению, взятому за основу советской идеологии. Основанием для данной оппозиции являлся конфликт индивидуального и социального. Однако изучение западной философии стало возможно в официальной печати только через призму критики западных догматов.

Симптоматично в этом отношении, что в статье «Жизнь и существование» литературный критик М. Гус транслирует философию зарубежного экзистенциализма посредством ее ниспровержения. Критик в начале своей статьи дает обстоятельный экскурс в историю формирования зарубежного философского учения, одновременно маркируя его как ошибочное. Так, М. Гус пишет, что во всех направлениях экзистенциалистского философского учения «главным является признание “человечески-конкретного существования” личности (экзистенции) в качестве той основы, в которой растворяется

реальное бытие <...> иначе говоря, личность сводится к чистому самосознанию, глухой стеной отгороженному от объективно существующего мира» [6, с. 211].

Разработанный в условиях высокого цензорского внимания, ориентированного на «анализ настроений общества» [5, с. 278], прием «упаковывания» зарубежных философских доктрин в изобличительную форму способствовал легитимизации зарубежной философской мысли в советском социокультурном пространстве. Так, заняв позицию обличителя западных философских заблуждений, М. Гус отстоял свою принадлежность к конвенциональному поведенческому коду «официального» участника литературного пространства.

Репрезентативно, что М. Гус анализирует произведения советских авторов через призму экзистенциалистской философии личности, акцентируя внимание на том, что «наша литература эстетически и идейно спорит с экзистенциалистскими <...> воззрениями на жизнь, на человека, опровергает их» [6, с. 215].

Для того, чтобы анализировать советскую литературу посредством зарубежной философской теории, М. Гус снимает противоречие индивидуального и социального, утверждая, что всесторонний анализ человеческой личности «самая важная задача литературы. <...> Экзистенциализм не что иное, как соединение относительно верно наблюдаемых конкретных фактов с ошибочным диагнозом» [6, с. 212]. Так М. Гус предпринимает попытку разделить экзистенциалистскую философию личности на две составные части: конформную / неконформную. Прозу, которую анализирует М. Гус в своей статье, критик делит на основании той же поляризации. Произведения В. В. Липатова и М. С. Колесникова интерпретируются как созвучные марксистско-ленинскому учению, которое «видит в человеке субъекта истории, деятеля и творца» [6, с. 212]. По мнению критика, в этих произведениях «человек становится личностью – активным субъективным фактором в Истории. Иначе говоря, существование (“экзистенция”) не противостоит сущности, как учит экзистенциализм» [6, с. 215].

Проза Г. Н. Владимова и Ю. В. Трифонова маркируется как оппозиционная официальной советской доктрине: «“Экзистенции” Гриши и Сени и впрямь лишены сущности. Но не потому, что экзистенциализм прав, а, наоборот, именно потому,

что он ложен, построенные по его схеме “существования” не имеют действительной жизни» [6, с. 226].

Вопреки тому, что рецензия М. Гуса на роман «Три минуты молчания» содержит отрицательную оценку как самого зарубежного учения, так и данного романа, тем не менее критик опосредованно подтверждает принадлежность прозы Г. Н. Владимова к философии экзистенциализма. Данное положение задает потенциал для анализа творчества Г. Н. Владимова, в дальнейшем акцентируя в нем экзистенциалистскую философию.

Вместе с тем автор «Трех минут молчания» и сам указывал на то, что только «широкий» читатель был способен верно воспринять роман, поскольку «имел свободу полагать, что главное действие происходит в душе человека» [3, с. 394]. В то же время «академическая критика» стремилась придать легитимный характер философской составляющей романа «Три минуты молчания», акцентируя в романе «подлинный – лирико-философский – характер» [13, с. 32].

Так, на страницах журнала «Вопросы литературы» вышла статья «академического» критика В. Перцовского, в рамках которой велась едва скрываемая полемика с национал-патриотическими критиками: «...роман осуждали за чрезмерную перегруженность. <...> Между тем быт – это лишь, так сказать, тело, плоть произведения, придающая ему жизненную осадку» [13, с. 32]. В. Перцовский объясняет сюжетную архитектуру иначе, нежели консервативная критика, отмечая, что исключительные стечения обстоятельств способствуют внутренней трансформации героя, произошедшее «тесно связано с повседневностью и ею подготовлено» [13, с. 34].

Следует отметить, что литературные критики не замечали или не желали принимать экзистенциалистскую составляющую данного произведения, тем не менее подавляющее большинство «либеральных» критиков отметили стремление Г. Н. Владимова к осмыслению социального и культурного кризиса позднего социализма. Так, В. Перцовский характеризовал экзистенциальный кризис героя через социокультурную призму, отметив, что «те элементы культуры, которые он несет в себе, вызывают неудовлетворенность своей работой, бытом, образом жизни, порождают желание переменить среду» [13, с. 35]. Однако критик не стремился акцентировать идею

индивидуализма в романе «Три минуты молчания», напротив, он подменил ее легитимной тенденцией, свойственной не только данному роману, но литературе того времени в целом: «Происходящий в современном нашем обществе процесс сближения рабочего класса, крестьянства с интеллигенцией писатели берут как бы с разных сторон» [13, с. 36].

Следуя схожей системе умолчаний, выработанной для обсуждения социальных проблем, поставленных в советской литературе, работал Л. Аннинский, манере которого было свойственно «небрежно эlegantное употребление предписанных начальством казенных формул: мол, “слова – ваши, а порядок слов – мой”» [19, с. 51]. Будучи одним из главных «эстетических» критиков той поры, Л. Аннинский предложил «широкому» читателю детерминированную интерпретацию романа, акцентировав в статье индивидуализм героя, который «слишком занят отстаиванием своего права на “непохожесть”» [1, с. 77]. Симптоматично, что критик предпочел резюмировать статью нарочитым иносказанием, в котором прозвучала мысль о том, что внешняя соотнесенность «Трех минут молчания» с производственным романом замаскировала «столь зорко увиденные человеческие проблемы» [1, с. 77].

Обсуждение и выводы

Поляризация общественности, выразившаяся в идейном противостоянии «консервативного» и «либерального» модуса, была характерна как для политики советских периодических изданий, так и для деятельности самих литературных критиков. На основании сопоставления методологических принципов в работе критиков «консервативного» и «либерального» крыла удалось зафиксировать контаминацию «советского» и «диссидентского» как в рецензиях на роман «Три минуты молчания», так и в самом произведении Г. Н. Владимова. Таким образом, «всеобщая идеологическая мобилизация власти и населения для борьбы с инакомыслием» [9, с. 535] спровоцировала новый гибридный характер официальной литературы.

Анализ литературно-критической рецепции идейных оппонентов выявил не только резко полярные мнения о романе «Три минуты молчания», но и обнажил схожие положения. Так, несмотря на разную риторику оппозиционных крити-

ков, их литературно-критическая рецепция романа отразила локальное тождество взглядов. Симптоматично, что критика консервативная и критика либеральная одновременно артикулировала неконвенциональное направление мыслей Г. Н. Владимова, однако, в силу разной догматики и под давлением конституирующей советское государство идеи, маркировала роман «Три минуты молчания» по-разному.

Сопоставление методологических различий в работе оппозиционных критиков свидетельствует о том, что если критика консервативного крыла апеллировала к подражательности произведения западным образцам в целях ниспровержения широкочитаемого в Советском Союзе романа, то либеральная критика обнажала сходство для того, чтобы расширить спектр допустимых тем в официальной периодической печати. Тем не менее в острой полемике о прозе Г. Н. Владимова менялись представления о границах допустимого в пространстве литературы. Произведение «Три минуты молчания», философское основание которого еще вчера было строго табуировано, попало в поле зрения критиков. Отмеченное консервативной критикой положение об имитации творческого почерка Э. М. Ремарка и Э. Хемингуэя, проявившееся в сходстве героев Г. Н. Владимова с героями произведений зарубежных писателей-экзистенциалистов, косвенно совпадало с мнением либеральной критики, которая подспудно описывала попытку писателя отразить кризис позднего социализма посредством внедрения в роман табуированной в советское время экзистенциалистской философии.

Фрагментарно обнаженный советской критикой и окончательно выявленный при исследовании литературно-критической рецепции экзистенциалистский генезис романа «Три минуты молчания» подтверждает заявленную в статье гипотезу о гибридном характере данного произведения. Вместе с тем данное положение задает потенциал для анализа творчества Г. Н. Владимова, в дальнейшем акцентируя в нем экзистенциалистскую философию, которая не учитывалась исследователями ранее.

Гибридный характер романа, основанный на контаминации черт «советского» и «диссидентского» дискурса, противоречил идеологической, культурной и издательской политике

того времени, что предопределило в свою очередь длительное замалчивание книг Г. Н. Владимова на родине и вынужденную эмиграцию автора.

Список литературы

1. Аннинский Л. Соль воды // Юность. – 1970. – № 6. – С. 73–77.
2. Блюм А. В. Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953–1991. – СПб.: Академический проект, 2005. – 296 с.
3. Владимов Г. Собрание сочинений: В 4 т. – М.: NFOQ/2Print, 1998. – Т. 4: Литературная критика и публицистика. – 462 с.
4. Войнович В. Н. Степень доверия. – М.: Изд-во политической литературы, 1973. – 464 с.
5. Горяева Т. Главлит и литература в период литературно-политического брожения в Советском Союзе // Вопросы литературы. – 1998. – № 5. – С. 276–320.
6. Гус М. Жизнь и существование // Знамя. – 1972. – № 8. – С. 221–226.
7. Добренко Е., Калинин И. Литературная критика и идеологическое размежевание эпохи оттепели: 1953–1970 // История русской литературной критики. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – С. 417–476.
8. Ершов Г. Корабли идут за океан // Дальний Восток. – 1970. – № 8. – С. 146–148.
9. Иванов Б. И. Литературные поколения в ленинградской неофициальной литературе: 1950-е – 1980-е годы // Самиздат Ленинграда. 1950–1980-е. Литературная энциклопедия / под общ. ред. Д. Я. Северюхина. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – С. 535–584.
10. Лакшин В. Я. «Новый мир» во времена Хрущева: Дневник и попутное (1953–1964). – М.: Книжная палата, 1991. – 266 с.
11. Летопись рецензий: государственный библиографический указатель Российской Федерации. – М.: Рос. кн. палата, 1935–2014.
12. Липовецкий М., Берг М. Мутации советскости и судьба советского либерализма в литературной критике семидесятых: 1970–1985 // История русской литературной критики. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – С. 477–532.
13. Перцовский В. Проза вмешивается в спор // Вопросы литературы. – 1971. – № 10. – С. 27–48.
14. Петелин В. Герой и его время // Огонек. – 1970. – № 24. – С. 25–27.
15. Самойлов Д. Памятные записки. – М.: Международные отношения, 1995. – 700 с.
16. Синельников М. Траулер «Скакун» в шторм и в штиль // Лит. газ. – 1970. – 7 янв. – С. 4.
17. Соболев В. Неопознанные аллюзии: Критика 1970-х о романе Георгия Владимова «Три минуты молчания» // Вопросы литературы. – 2014. – № 5. – С. 301–319.
18. Тевекелян Д. Повзрослевшая «молодая» проза. (Мера точности) // Москва. – 1970. – № 1. – С. 207–215.
19. Чупринин С. И. Оттепель: действующие лица. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 1110 с.
20. Шнитман-МакМиллин С. Георгий Владимов: бремя рыцарства. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. – 702 с.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

Natalia N. Koznova, Sofia S. Safronova

History of Perception of G. N. Vladimov's Novel "Three Minutes of Silence"

The article attempts to explicate the hybrid character of G. N. Vladimov's novel "Three Minutes of Silence" on the basis of the analysis of the literary-critical reception recorded in the "Chronicle of Reviews" for 1970-1972. The reconstruction of the logic of the ideological, cultural and publishing policy of the regime of those years reveals the heterogeneity of public consciousness even in the official space of literature. The variability of the allowable topics predetermined the «ambivalent» strategy of the official writers, which allows in their works a partial deviation from the prescribed ideology, but does not imply a complete rejection of it. The policy of the Soviet periodicals was based on the similar ambivalence represented by the ideological opposition of the "conservative" and "liberal" wing. The existentialist genesis of the novel "Three Minutes of Silence" was noted by critics of that time, which made it possible to substantiate the conclusion that G. N. Vladimov's novel combines the characteristics of a "Soviet" and "dissident" text.

Key words: G. N. Vladimov, "Three Minutes of Silence", critical reception, doublethink.

For citation: Koznova, N. N., Safronova, S. S. (2024) Istoriya vospriyatiya romana G. N. Vladimova «Tri minuty molchaniya» [History of Perception of G. N. Vladimov's Novel "Three Minutes of Silence"]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 125–140. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_2_125. EDN: MQLNLP

References

1. Anninskij, L. (1970) Sol' vody [Salt of water]. *Yunost' – Youth*. No. 6. Pp. 73–77. (In Russian).
2. Blyum, A. V. (2005) *Kak eto delalos' v Leningrade. Cenzura v gody ottepeli, zastoya i perestrojki. 1953–1991* [How it was done in Leningrad. Censorship during the years of thaw, stagnation and perestroika. 1953–1991]. St. Petersburg: Akademicheskij proekt Publ. (In Russian).
3. Vladimov, G. (1998) *Sobranie sochinenij: V 4 t.* [Collected works: In 4 vols]. Vol. 4. Moscow: NFQ/2Print Publ. (In Russian).
4. Vojnovich, V. N. (1973) *Stepen' doveriya* [Degree of trust]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury (In Russian).
5. Goryaeva, T. (1998) «Glavit i literatura v period literaturno-politicheskogo brozheniya v Sovetskom Soyuze» [Glavit and literature during the period of literary and political fermentation in the Soviet Union]. *Voprosy literatury – Questions of literature*. No. 5. Pp. 276–320. (In Russian).
6. Gus, M. (1972) «Zhizn' i sushchestvovanie» [Life and existence]. *Znamya – Banner*. No. 8. Pp. 221–226 (In Russian).
7. Dobrenko, E., Kalinin, I. (2011) *Literaturnaya kritika i ideologicheskoe razmezhevanie epohi ottepeli: 1953–1970* [Literary criticism and ideological demarcation of the Thaw era: 1953–1970]. *Istoriya russkoj literaturnoj kritiki* [History of Russian literary criticism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. Pp. 417–476. (In Russian).
8. Ershov, G. (1970) *Korabli idut za ocean* [Ships go overseas]. *Dal'nij Vostok – Far East*. No. 8. Pp. 146–148. (In Russian).
9. Ivanov, B. I. (2003) *Literaturnye pokoleniya v leningradskoj neoficial'noj literature: 1950-e – 1980-e gody* [Literary generations in Leningrad unofficial literature: 1950s – 1980s]. *Samizdat Leningrada. 1950–1980-e* Literaturnaya enciklopediya; pod obsch. red. D. YA. Severjuchina [Samizdat of Leningrad. 1950–1980s. Literary encyclopedia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. Pp. 535–584 (In Russian).
10. Lakshin, V. YA. (1991) «Novyj mir» vo vremena Hrushcheva: *Dnevnik i poputnoe (1953–1964)* ["New World" during the time of Khrushchev: Diary and incidental things (1953–1964)] Moscow: Knizhnaya palata Publ. (In Russian).

11. *Letopis' recenzij: gosudarstvennyj bibliograficheskij ukazatel' Rossijskoj Federacii (1935–2014)* [Chronicle of reviews: state bibliographic index of the Russian Federation 1935–2014]. Moscow: Rossijskaya knizhnaya palata Publ. (In Russian).

12. Lipoveckij, M., Berg, M. (2011) *Mutacii sovetskosti i sud'ba sovetskogo liberalizma v literaturnoj kritike semidesyatyh: 1970–1985* [Mutations of Sovietness and the fate of Soviet liberalism in literary criticism of the seventies: 1970–1985]. *Istoriya russkoj literaturnoj kritiki* [History of Russian literary criticism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. Pp. 477–532 (In Russian).

13. Percovskij, V. (1971) *Proza vmeshivaetsya v spor* [Prose intervenes in the dispute]. *Voprosy literatury – Questions of literature*. No. 10. Pp. 27–48. (In Russian).

14. Petelin, V. (1970) *Geroj i ego vremya* [The Hero and His Time]. *Ogonek – Ogonyok*. No. 24. Pp. 25–27. (In Russian).

15. Samojlov, D. (1995) *Pamyatnye zapiski* [Memoirs]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russian).

16. Sinel'nikov, M. (1970) *Trauler «Skakun» v shtorm i v shtil'* [Trawler «Skakun» in a storm and in a calm]. *Literaturnaya gazeta – Literary newspaper*. January 7. P. 4 (In Russian).

17. Sobol', V. (2014) *Neopoznannye allyuzii: Kritika 1970-h o romane Georgiya Vladimova «Tri minuty molchaniya»* [Unidentified Allusions: Criticism of the 1970s about Georgy Vladimov's novel «Three Minutes of Silence»]. *Voprosy literatury – Questions of literature*. No. 5. Pp. 301–319. (In Russian).

18. Tevekelyan, D. (1970) *Povzroslevshaya «molodaya» proza. (Mera tochnosti)* [Mature «young» prose (Measure of accuracy)]. *Moskva – Moscow*. No. 1. Pp. 207–215. (In Russian).

19. Chuprinin, S. I. (2023) *Otpepel': dejstvuyushchie lica* [The Thaw: the actors]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian).

20. Shnitman–MakMillin, S. (2022) *Georgij Vladimov: bremya rycarstva* [Georgy Vladimov: the burden of chivalry]. Moscow: AST: Redakciya Eleny Shubinoj Publ. (In Russian).

Об авторах

Кознова Наталья Николаевна, профессор Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна доктор филологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: nkoznova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1459-0182

Сафронова Софья Сергеевна, магистрант Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: sofisfrnv@gmail.com; ORCID ID: 0009-0003-4158-9798

About the authors

Koznova Natalia N., Professor, Saint Petersburg State University of Industrial Technology and Design, Doctor of Philology (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: nkoznova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1459-0182

Safronova Sofia S., Graduate Student, Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: sofisfrnv@gmail.com; ORCID ID: 0009-0003-4158-9798

дата получения: 25.03.2024 г.
дата принятия: 30.04.2024 г.
дата публикации: 28.06.2024 г.

date of receiving: 25 March 2024
date of acceptance: 30 April 2024
date of publication: 28 June 2024